Не слушай. Дневники горянки

Автор:
Марьям Алиева

Не слушай. Дневники горянки

Марьям Омаровна Алиева

Кладезь психологии

Семейно-бытовое насилие, как и любое другое, – проблема всего мира. Часто оно происходит совсем рядом, но мы предпочитаем об этом молчать. Сложно даже представить, как много рядом с нами людей, каждый день переживающих свой личный ад. Статистика не отражает и половины страшной реальности, тем более на Кавказе, где обращаться в полицию с жалобами на насилие считается «позором», а вот терпеть, потому что «из дома мужа можно выйти только ногами вперед», – принято!

«Не слушай» – книга, которая позволит увидеть себя со стороны как жертве, так и абьюзеру. Книга не призывает к отказу от моральных ценностей и семьи. Наоборот, она призывает учиться быть семьей, осознавать важность тепла, уважения и любви в семье, уметь слышать своих детей и наглядно показывает последствия отсутствия этих важнейших навыков.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Марьям Алиева

Не слушай. Дневники горянки

© Алиева М., текст, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

От автора

По данным отчета Всемирного банка Women, Business and the Law за 2018 год, россиянок признали одними из самых не защищенных в мире от насилия: Россия набрала ноль баллов в области законодательства по защите прав женщин. А что, если ситуация отягощена еще и строгими нравами?

Я живу в регионе, за который сотни лет воевали великие державы, в регионе с богатейшей историей, каждая страница которой – героический подвиг. В регионе, где единственным спасением для девушки от нежеланного брака или бесчестья были высокие скалы и буйная река. До сих пор у нас восторженно рассказывают легенды о том, как горянки бросались со скал…

Вот и сегодня – бороться за себя все равно что броситься со скалы в реку осуждения и унижения.

Моя первая книга – «Не молчи» начиналась со статистики и предупреждений о том, что она не является этнографической работой, не показывает жизнь и быт кавказских народов, а лишь раскрывает конкретную проблему. «Не слушай» также не описывает традиции и культуру, не отражает характер каждого жителя Кавказа, но позволяет наглядно увидеть плоды виктимблейминга (обвинение жертвы, или виктимблейминг (англ. Victim blaming), что происходит, когда на жертву преступления, несчастного случая или любого вида насилия возлагается полная или частичная ответственность за совершенное в отношении нее нарушение или произошедшее несчастье), а также отсутствие личных границ, которые часто стираются традиционными устоями.

Проблема семейно – бытового насилия распространена во всем мире в разной степени, однако только в местности с восточным менталитетом положение

жертвы насилия отягощено суровым менталитетом, в рамках которого женщина полностью подчинена мужчине – отцу, брату, мужу. И чтобы уйти от насилия, порой приходится идти против традиций, против семьи, против себя…

Книга не научит абьюзеров и тиранов не быть таковыми, но покажет обществу те боль и беспомощность, страх, ненависть и ужас, которые творятся за закрытыми дверьми многих домов. И таким образом, я надеюсь, позволит взглянуть на ситуацию со стороны и понять, что выход есть, научит слушать своих детей и, главное, избавит хотя бы какую-то часть нашего общества от стереотипного «сама виновата».

«Не слушай» – это призыв не слушать тех, кто оправдывает насилие, кто находит причины, по которым это насилие справедливо, кто пытается внушить вам, что вы это заслужили, кто пытается навязать идею того, что вы виноваты, не слушать тех, кто настаивает – терпи!

Вы не обязаны терпеть – ни по законам Бога, ни по законам морали, ни по законам страны, в которой живете.

Мы этого не видим, но это происходит…

Вы глубоко заблуждаетесь, если думаете, что семейно – бытовое насилие – это про неблагополучные семьи алкоголиков и наркоманов. Часто это «про» на первый взгляд вполне счастливые семьи, с ухоженными, умными детьми, красавицей мамой и успешным папой, часто это про семьи, в которых мы и громкого слова не слышали, про семьи, которые совсем рядом.

Мы этого не видим, но это происходит.

Что же происходит в наших головах, когда мы узнаем, что муж, брат, отец в некой семье кого-то бьет? Мы ищем причину: «А, может она не слушалась?» Нам невдомек, что в «не слушалась» может входить что-то вроде «не выключила свет в ванной, слишком громко размешивала сахар в чае, неправильно посмотрела…»

Мы ищем какую-то ужасную причину, чтобы огородить себя, чтобы заучить урок «если я буду хорошей девочкой, и меня не побьют».

У нас не принято говорить об этом, не принято обсуждать такое, и, выходит, этого как будто нет.

Насилие над женщиной – самое распространенное преступление в мире, проблема этого насилия актуальна везде, но разница в том, что у женщины на Кавказе меньше шансов уйти от этого насилия. Так, положим, какой-нибудь Ольге из Саратова или Кэтрин из США не нужно разрешение родителей, чтобы уйти от мужа – тирана.

Она не услышит от отца напутствие перед свадьбой: «из дома мужа только вперед ногами» или «умри, но умри в доме мужа», ее не примут при условии, что дети останутся с мужем, ее традиции не лишат ее детей при разводе.

Большинство жителей Северного Кавказа исповедуют ислам, с которым традиции часто идут вразрез. Так, согласно нормам ислама, на женщину не возлагается обязанность терпеть мужа – тирана, например, однако традиции, в рамках которых разведенная женщина часто считается недостойной, ограничивают женщину в выборе.

Многие в нашем обществе, услышав о свободе женщин, о правах женщин, представляют, как такая женщина сразу же станет наркоманкой и переспит со всем городом, не понимая, что свобода – может быть, и вовсе про возможность перестать быть грушей для битья, про возможность стать хорошим врачом, про возможность жить…

Словарь

Вы заблуждаетесь, если думаете, что домашнее насилие ограничивается побоями. На самом деле – это целая система, которая включает в себя физическое насилие, сексуальное, экономическое, психологическое (которое также можно поделить на подвиды в зависимости от сфер давления).

Физическое насилие – это прямое или косвенное воздействие на жертву с целью причинения физического вреда, страха, боли, травм, других физических страданий или телесных повреждений. Иными словами – это контроль над жертвой, оно же рукоприкладство.

Этот вид считается самым распространенным в семьях: по статистике, каждую третью женщину бьет супруг или партнер. К этому виду относятся не только побои, но и удушение, причинение боли в виде ожогов и другие способы нанесения телесных повреждений, вплоть до убийства, а также уклонение от оказания первой медицинской помощи, депривация сна, принудительное употребление наркотиков или алкоголя. Нанесение физического вреда другим членам семьи и животным с целью психологического воздействия на жертву определяется как косвенная форма физического насилия.

Сексуальное насилие – к нему относят тот момент, когда партнер принуждает свою «жертву» к сексу и иным видам сексуальных действий посредством силы, шантажа или угроз. Это напрямую связано с представлением о сексе как о «супружеской обязанности», которую женщина должна выполнять вне зависимости от своего желания. В семьях, где есть сексуальное насилие – женщина «дает», а мужчина – «берет». Секс в здоровых отношениях всегда происходит по обоюдному, выраженному обоими людьми согласию.

Самой жестокой формой сексуального насилия считается изнасилование. Для многих не только на Кавказе, но и в мире совершенно удивительно то, как муж может насиловать, ведь жена и так обязана, даже если завалился не трезвый, даже если против воли.

К формам сексуального насилия относятся также демонстрация гениталий, демонстрация порнографии, сексуальный контакт, физический контакт с гениталиями, рассматривание гениталий без физического контакта.

Психологическое насилие – это угрозы, шантаж, манипулирование и оскорбления. Этот вид насилия происходит в основном с участием детей. Изверг использует их как заложников, вплоть до угроз навредить детям, если партнер не будет ему подчиняться.

Психологическое насилие трудно диагностировать и практически невозможно доказать в суде. Признаки психологического воздействия редко видны, а последствия при этом могут быть чрезвычайно тяжелыми. Поначалу это обидные замечания (которые часто называют критикой), едкие шутки – часто публичные, любые действия и высказывания либо, наоборот, бездействие, унижающие достоинство жертвы.

Тот, кто занимается психологическим насилием, часто манипулирует, угрожает, внушает чувство вины. Сюда же относятся унижения и принижение значимости, обесценивание достижений партнера.

Подобная форма общения распространена не только среди супругов и партнеров, но и между родителями и детьми. Почти во всех случаях это приводит жертву к серьезным психологическим и эмоциональным проблемам, когда без помощи психолога уже нельзя обойтись.

Газлайтинг – это форма психологического давления, при которой вас убеждают в вашей психической несостоятельности. В классическом случае вас выставляют сходящим с ума, в частных случаях могут быть вариации, при которых вам вменяют какой-то дефект или неспособность к чему-то.

Экономическое насилие – тот случай, когда один партнер лишает другого финансовой свободы. Начинается все просто – один из партнеров/супругов полностью забирает зарплату другого и не позволяет ему участвовать в принятии финансовых решений.

В дальнейшем это контроль над финансовыми и прочими ресурсами семьи, выделение жертве денег на «содержание», вымогательство. Часто к этому виду насилия относят даже запрет на получение образования или трудоустройство и намеренная растрата финансовых средств семьи с целью создания напряженной обстановки. Или когда муж дает деньги только на определенные товары, или покупает их сам, не пускает на работу или учебу – это тоже насилие.

Виктимблейминг, или обвинение жертвы, – это перенесение ответственности на жертву, обвинение ее в том, что это она своими действиями спровоцировала преступника на насилие. Психологи объясняют это явление на примере концепции справедливого мира.

То есть если зло не может совершаться просто так и оставаться безнаказанным, соответственно то, что человек оказался жертвой – справедливое следствие его действий.

Глава 1. Наташа

Я бежала, разрывая тяжелым дыханием ночную тишину. Малышка у меня на руках была в таком ужасе, что не решалась заплакать, хотя за весь день у нее во рту не было ни капли молока. Она будто застыла, приросла ко мне. Время от времени я останавливалась и проверяла, дышит ли она.

Меня подгоняли страх и ужас, подгоняло желание жить и дать жизнь своему ребенку. Я не чувствовала боли ни от многочисленных ушибов, ни от разбитых в кровь босых ног. Я бежала из ада…

Мимо домов, что были глухи и слепы к моей беде, мимо улиц, которые стыдливо прятали от меня свой свет, мимо машин, делавших вид, что меня нет.

Мне необходимо было успеть сбежать как можно дальше до того, как он проснется, до того как узнает о моей преступной смелости, о моем желании жить. Я лишь изредка останавливалась, чтобы покормить малышку. Она словно понимала, как важно для нас время и, поев совсем немного, засыпала.

Неумолимо быстро надвигался рассвет.

Я просила солнце немного задержаться, время – немного застыть, подождать еще немного, дать мне возможность уйти подальше, скрыться от него.

Увидев, как звезды исчезают с неба, будто окутаны тем же страхом, я прибавила шагу. Совсем скоро закричат первые петухи, и он проснется. Хуже уже не будет,

я вышла к дороге в надежде остановить машину и попросить отвезти меня.

Докуда? Мне ведь и идти некуда. Все равно. Главное, подальше отсюда. Подальше от него.

Машины проносились, не замечая меня. Кто ж меня увидит, если я сама себя не видела столько лет?

Если, чтобы увидеть себя, мне понадобилось подвергнуть угрозе жизнь своего ребенка?

И вдруг… Ее ухоженные пышные волосы отливали огненно-красным цветом на солнце и придавали сходство с какой-то сказочной героиней.

– Вам нужна помощь? – прозвучал мягкий голос.

– Мне нужно в город, – будто не своим, слишком громким голосом ответила я.

– Садитесь.

Ее машина была такая красивая и чистая. А тут я со своими ногами – грязными от крови и пыли.

Я помялась и неуверенно спросила:

– У вас есть пакет? Мои ноги… они…

Она приподнялась и, увидев, что я босиком, поморщилась.

– Откуда же ты идешь, девочка?

Я молчала.

– Не важно. Садись. Поехали скорей.

Наверняка догадавшись, что я бегу от беды, поторопила меня она.

До города было, с учетом моего пути в несколько часов, примерно два часа.

Мы молчали всю дорогу.

Малышка, видимо, почувствовав, что сердце мое перестало так колотиться и мы в безопасности, стала плакать, напоминая о том, что, раз уж все нормально, ее следует покормить.

Я приспустила воротник платья и дала ей грудь, в которую она жадно вцепилась, кажется, едва успевая дышать.

– Голодная, – улыбнулась красивая женщина.

– Да. Она почти не ела со вчерашнего дня, – ответила я, кажется, слишком развернуто и тут же об этом пожалела. Но зря, потому что она только посмотрела на меня и ничего не спросила.

– Меня зовут Динара, – будто все происходящее совершенно привычно для нее, представилась красивая женщина.

– А я… я Наташа, – будто отпуская что-то тяжелое, сказала я и мягко, мечтательно улыбнулась.

Конечно, никакой Наташей я не была. Меня звали Маржана. Я родилась и выросла высоко в горах, а мой хороший русский – заслуга мамы – учительницы. Она всю жизнь до замужества жила в городе, как и вся ее семья.

А имя Наташа я присвоила себе после того как в 9-м классе прочитала «Войну и мир» и просто влюбилась в образ Наташи Ростовой. Я часто представляла себе, что я такая же звонкая, сильная, смелая, такая же любимица папы…

В новой жизни я обязательно стану именно такой… обещаю тебе, доченька, обещаю себе…

Динара снисходительно улыбнулась.

А потом тяжело вздохнула, будто говоря мне: «Я все уже поняла». Мне стало стыдно, и я отвернулась и сделала вид, что разглядываю горы, которые остаются позади.

Но слезы предательски душили, а потом вдруг вырвались наружу.

– Расскажи, если тебе станет легче.

Кажется, только сейчас я поняла, что сделала. Страх, боль, ненависть и безнадежность разом обрушились на меня, и я зарыдала. Как ни старалась, делать это совсем без всхлипывания не получалось.

Динара молчала.

Спустя минут десять машина остановилась. Динара вышла из машины и направилась в сторону магазина.

Мне снова стало стыдно. Я решила, что ее смутило происходящее, и стала ругать себя за то, что взвалила на нее свой груз.

Погруженная в мысли о собственной беспомощности, я не заметила, как Динара вышла.

Дверь открылась, и я вздрогнула от страха.

– Свои! Не бойся, – улыбаясь, успокоила Динара. В руках у нее были пакеты. Из одного она вытащила тапочки. Такие синие, резиновые, которые обычно носят в селах во дворе.

– Извини. Ничего другого не было, – действительно искренне сожалея, проговорила она и сложила тапочки на землю, из другого пакета вытаскивая бутылки с водой.

– Так, давай-ка маленькую мне, а сама вымой ноги, в аптечке есть перекись и пластыри.

– Не надо было, – тихо пробубнила я. Хотя, конечно, надо было.

Динара молча нагнулась и взяла у меня из рук дочку.

– Слушай, ее же поменять надо.

Я совсем не подумала об этом. Идиотка! Горе-мамаша! Правильно говорил мой муж.

– Я взяла подгузники. Сейчас все сделаю.

Пока я справлялась со своими ногами, которые, как оказалось, были и вправду сильно поранены, Динара ловко распеленала дочь, обмыла ее теплой водой и надела подгузник.

Я, наконец, разделалась со своими ранами, умылась, надела тапочки и вышла из машины.

Я здорово испачкала коврик, и было неудобно. Я вытащила его из машины и вытряхнула.

Мы отправились в дорогу.

Было уже очень жарко, и я не стала заворачивать малышку в пеленки.

– У кого ты остановишься в городе? – вдруг очень серьезно спросила Динара.

– Я… у меня есть родственники. Наверное, у них. Или сниму комнату.

– То есть тебе не к кому идти?

– Нет. Есть к кому. Просто…

– Ладно. Доедем, решим.

В голосе Динары была такая смелая, уверенная забота.

Я видела ее впервые, но совершенно точно знала, что она действительно решит.

Так я чувствовала себя только дома, рядом с мамой.

Когда папе взбрело в голову отдать меня замуж сразу после школы, она так же, совершенно спокойно и уверенно сказала: «Ничего не бойся. Все решим». И она бы обязательно решила. Если бы не инсульт.

Я знаю, обязательно бы решила.

Мою свадьбу играли очень поспешно, хотели успеть, пока мама жива. А я разве могла возразить? Разве могла позволить маме, которая теперь едва могла говорить, позволить видеть себя несчастной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/alieva_mar-yam/ne-slushay-dnevniki-goryanki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить